

Сказочные были старое в новом

А.В. Амфитеатров

Александр Валентинович Амфитеатров

Неурожай и суеверие

Рассказы и статьи, собранные в книжке «Сказочные были», все уже были напечатаны в разных периодических изданиях последних пяти лет и воспроизводятся здесь без перемены или с самыми незначительными редакционными изменениями.

Относительно серии статей «Старое в новом», печатавшейся ранее в «С.-Петербургских ведомостях» (за исключением статьи «Вербы на Западе», помещённой в «Новом времени»), я должен предупредить, что очерки эти — компилятивного характера и представляют собою подготовительный материал к книге «Призраки язычества», о которой я упоминал в предисловии к своей «Святочной книжке» на 1902 год. Поэтому прошу видеть в них не более, как эклектическую попытку изложить в лёгкой форме некоторые старинные народные верования и, отчасти, известнейшие мифологические воззрения на них. Дальнейших претензий, в настоящем своём виде, статьи эти не имеют.

Из остального содержания книги, рассказы «Наполеондер» и «Сибирская легенда» были первоначально напечатаны в «СПб. ведомостях», «Землетрясение» в

«Историческом вестнике», «Морская сказка» и «История одного сумасшествия» в «России», «Не всякого жалей» в «Приазовском крае».

Неурожай и суеверие

Первые же страницы русской летописи поведают нам о хлебных неурожаях и последующих за ними голодовках народных.

Под 1024 г. летописец отмечает «мятежь великъ и голодъ» по всей суздальской земле. В 1071 г. — «скудости» в области ростовской, по Волге, Шексне и Белу-озеру. В 1059 году от голода, холода и мора погиб целый степной народец — торки. В конце княжения Всеволода Ярославича (ум. в 1093 г.) Приднепровье постигли засухи, от которых загорались леса и болота, а за ними — неизменные последствия: голод и мор, т. е., по всей вероятности, повальный тиф, настолько свирепый, что в одном Киеве, в срок «отъ Филиппова дня (14 ноября) до мясного заговенья» было продано семь тысяч гробов. В 1094 году, в августе месяце, прилетела на Русь первая саранча и с тех пор стала постоянною гостью нашего отечества. В 1127–1128 году голодал Новгород, — по обыкновению, с эпидемией тифа; люди ели липовый лист, берёзовую кору, мох, конину; улицы и площади были завалены мёртвыми телами, нельзя было выходить из домов от смрада непогребённых трупов; отцы и мате-

ри отдавали детей в рабство приезжим торговцам, чтобы не видать их страданий от голодной смерти. В 1145 году новгородские бедствия повторились по причине страшных засух весной и ливней летом и осенью. Суздальский период русской истории почти сплошь — летопись голодовок. На каждые десять лет приходится, в северных пределах тогдашней Руси, т. е. в областях суздальских и новгородских, по одному голодному. Особенно страшны были годы 1212, 1214, 1215 и 1230. а между ними два последних. В эти неурожайные годы собаки не успевали поедать трупы, валявшиеся по улицам и городам; вымерли или разбежались, поголовно, все жители области Водь; новгородцы съели лошадей своих, собак, кошек; стало обыкновенным преступлением людоедство и пожирание покойников. Бедствие 1230 года было повсеместным в русской земле, выключая киевской области; продолжалось оно три года.

Я не пойду далее в этой печальной хронологии, доведённой, как мы видим, до самой татарщины, и, следовательно, обнимающей весь полуязыческий период Удельной Руси.

Летопись свидетельствует, что голодовки и эпидемии довольно часто сопровождались противохристианскими волнениями в народе недавно окрещённом, нетвёрдом в новой вере, хорошо памятующем культ старых богов и привычном к повиновению жрецам их — «волхвам» летописи. В Суздале волхвы «избиваху старую чадь по дьяволу наученью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино» (урожай). Движение было настолько сильно, что великий князь Ярослав, несмотря на затруднительное своё политическое положение в 1024 году, счёл необходимым лично поехать в суздальскую землю для усмирения мятежа. В ростовскую смуту, когда Ян, собиратель княжеской дани схватил на Белом озере двух волхвов, занимавшихся тоже избием «старой чади», то, на вопрос; «чего ради погубиста толико человекъ?» — он получил ответ: «яко ти держать обилье да еще избиев? сихъ будетъ гобино». На допросе волхвы показали, что они веруют богу, живущему в бездне, рекомому антихристу, и рассказали космогонический анекдот о сотворении человека — совершенно однородный с таковыми же преда-

ниями у нынешней мордвы, черемисов, вотяков и т. п. Ян отдал волхвов на кровомщение семьянам, женщин которых они избили; те повесили обманщиков на дерево. Пришёл медведь — Перунов зверь — и съел их тела. Мятеж прекратился.

Добиться от белозерцев выдачи волхвов Яну стоило немало труда: столь велико было влияние слуг «бога бездны», даром что многих из народа они лишали матерей, сестёр и жён. Влияние это опиралось на общераспространённом суеверии не только языческих, но и христианских народов в утро их умственного развития, — будто все явления природы — дело рук человеческих, получивших власть над богами (в язычестве) или демонами (по христианским понятиям), при посредстве таинственных чар и заклятий. Суеверие в язычестве было верою. Все языческие культы построены на доверии общества к лицам, имеющим привилегию непосредственного общения с богами — тайными силами, одухотворяющими природу. Христианство уничтожило стихийных богов, как власть, главенствующую в мире, но не вовсе истребило их

из памяти своих неофитов. Низверженные стихийные боги продолжали существовать, хотя и под спудом, инкогнито; подобно гейневскому Витцли-Пуцли, они вылиняли, переменили оболочку и сделались чертями. Прежде они были и добрыми, и злыми, — теперь стали злыми по преимуществу; с ними можно было сноситься по-прежнему и следовало ладить, чтобы не было от них никакого вреда. Равным образом, по-прежнему следовало почитать и убожать тех, кто был в тесной дружбе с отставными богами, являлся посредником между ними и человеком.

Богами язычества управляли волхвы. Новокрещённые дикари, не успев забыть языческий предрассудок, что священнослужитель, так сказать руководствует волею божества, суеверно перенесли миссию управления силами природы на новое христианское духовенство: совершенно по той же аналогии, по какой народ передал молнии Перуна — проку Илье, а скот, отнятый у Волоса, — мученику Власию. В летописи неоднократно встречаются указания, что народ приписывал духовенству засуху, неурожай, град, ливень и

т. п. Так, например, в 1228 году, новгородцы, напуганные необыкновенными жарами, заподозрили в производстве их своего епископа и прогнали его «аки злодея пьхающе». И, наоборот, легенда приписывает другому духовному лицу — иноку Киево-Печерской лавры, преподобному Прохору Лебеднику, могучую сверхъестественную помощь народу во время голода при великом князе Святополке Изяславовиче; он лебеду обращал в хлеб, а золу — в соль. Известен обычай, не окончательно вымерший даже в настоящее время, «катать по па» по жнивью, в надежде на будущий урожай. Наконец, народ до сих пор считает недоброю приметой, выходя из дома, встретить духовное лицо. Что предрассудок этот извечный, языческий, свидетельствует Нестор под 1064 годом: «Не погански ли живемъ, ежели еще веруемъ въ встречу, ибо кто встретитъ монаха, зайца или свинью, возвращается назадъ». Такое же поверье есть и о встрече со старою бабою — исконною ведуньею, по народным понятиям. В 1770 году мужики села Войтовки приняли своего священника о. Василия, за упыря, повелевающего

мертвецами и, вместе с ними, опустошающего село: несчастного пробили навывлет осино-вым колом и заживо зарыли в землю. Зловредное влияние, приписываемое суеверием дурным встречам, можно парализовать, бросив под ноги опасному встречнику булавку, иглу, гвоздь, нож — вообще, какое-нибудь острое металлическое орудие. Известный русский мифолог Афанасьев выяснил на сотнях примеров, что нож, игла, топор, молот, кол и т. п. в народных сказках и поверьях почти постоянно эмблематируют молнию, которою бог-громовник первобытных верований поражал своих врагов, грозových духов — прототипы чертей, ведьм, вурдалаков и т. п. Малороссы говорят: «если ведьма летит, стоит воткнуть нож в землю, — она сейчас же обессилеет и упадёт»; чехи: «если бросить нож в столб пыли, поднятый вихрем, он упадёт на землю, окровавленный, потому что непременно ранит скрытую в вихре нечистую силу или несомого ею ведуна». Не будет ошибкою заключить, что одинаковыми или аналогичными мотивами вызывается суеверное употребление острых орудий и при вышеуказан-

ных встречах, — теперь бессознательное, а когда-то имевшее для народа свой таинственный смысл. А согласившись с этим мы вместе с тем согласимся, что наш предок-славянин был весьма мало склонен, в первые триста лет своего христианства, отличать новых духовных пастырей от представителей древнего языческого волхвования. На Западе было то же самое. Католическое духовенство, фанатически преследуя колдовство, само постоянно попадало под подозрение в этом грехе. Между 1504 и 1523 годами в Ломбардии запустело несколько монастырей, потому что монахи-ни были сожжены за колдовство; то же случилось в Cambrai — cite.

В Вюрцбурге между 1627-29 годами, из 200 сожжённых, было 14 духовных лиц, один доктор теологии и три церковных регента. Общеизвестны страшные дела Урбана Грандье, Луи Гофриди, Булье и Пикара в XVII веке. В Далмации, Боснии, Герцеговине католический «фратр» (францисканский монах) до сих пор пользуется репутациею ведуна с сверхъестественными знаниями. Даже православные, и не охотники до латинцев, стараются раздо-

быться амулетом от фратров: обыкновенно, писанным на бумажке Pater Noster.

Неурожаи, приковывая к себе весь интерес голодного полудикаря, заставляли его невольно искать ближайшую причину бедствия в служителях стихийным духам, в волхвах и волшевицах. Да и не одни полудикари в это верили. Вот голос, раздавшийся в 1484 году, с высоты папского престола, из уст Иннокентия VIII: «Множество людей обоего пола не боятся вступать в договоры с адскими духами и посредством колдовства делают неплодными брачные союзы, губят детей и молодой скот, истребляют хлеб на нивах, виноград и древесные плоды в садах и траву на пастбищах». Булла Иннокентия VIII, как известно, дала могучий толчок к вековому торжеству пагубного суеверия: запылали костры ведьм и колдунов, потянулись бесчисленные ведовские процессы. Средневековые судьи разобрали вопрос о возможности зловредно управлять стихиями с удивительной подробностью, соп amore. Но ещё того подробнее разложили этот вопрос — на голодный желудок — по мелочам полудикари престонародья, в чьих голо-

вах, хоть и смутно, а всё ещё бродили старые языческие воспоминания. Приносить неплод и голод стало считаться основным началом и целью колдовства. В Бамберге было казнено 1.200 человек, в том числе первые лица епископства, после того, как сознались в намерении произвести такой неурожай, «чтобы в течение 4 лет во всей стране погиб весь хлеб и всё вино, так что люди от голода съедали бы друг друга» (1629). Шутка девочки, которая, слушая жалобы отца на засуху, вызвалась наколдовать ему дождь, — и надо же быть такому несчастью, чтобы действительно разразилась страшная гроза с ливнем и градом! — стоила в 1615 году жизни тысячам женщин Венгрии: отец донёс на дочь, дочь — на мать, мать оговорила дюжину соседок, те — тоже, каждая назвала столько имён якобы сообщниц, сколько вспомнилось со страха и т. д. и т. д. Народная фантазия нашла и прямую корысть — из-за чего колдуны и ведьмы производят свои — бессмысленные, казалось бы, — опустошения. В первой половине IX века Агобар, лионский епископ, записал такую сказку: «Есть некая страна, именуемая Маго-

ния, из коей приходят на облаках корабли; воздушные пловцы забирают зерновой хлеб и другие плоды, побитые градом и вихрями, уплачивают за них чародеям, вызывающим бури, и увозят в своё царство». Сам Агобар смеётся над этою сказкою, как над глупостью, но жалуется, что знает многих, «одержимых таким безумием».

На Руси, к чести духовенства восточного, вера в ведовское ограбление урожаев и преследование колдунов не пользовались покровительством церкви даже в древнейшие времена христианства. Задолго до Вейера и Беккера, первых заступников мнимых колдунов, тысячами погибших на кострах инквизиции, Серапион, епископ владимирский, увещевал свою паству: «Еще поганскаго обычая держитесь, волхованію веруете и пожигаете огнемъ невинныя человеки и наводите на весь міръ и градъ убійство... Отъ которыхъ книгъ или отъ кихъ писаній се слышасте, яко волхованіемъ глади бывають на земли и пакы волхованіемъ жита умножаются?» Разница отношения духовенства к колдовству в средневековой Европе и на Руси, может быть,

отчасти обуславливалась именно тем обстоятельством, что наше, как начало новое в стране, ещё не торжествующее, а только завоевывающее себе положение, само неоднократно попадало у своей безграмотной паствы в волхвы и, в этом качестве, испытало на собственном примере, каково это сладко, когда неповинного человека гонят ни за что, ни про что «аки злодея пьхающе».

Серапион произнёс свою проповедь, возмущённый размерами, какие приняли человекоубийственные преследования женщин, обвиняемых в похищении дождей и земного плодородия. Он с порицанием указывает на обычай испытания водою женщин, заподозренных в порче урожаев, — обычай, к сожалению, доживший в глухих углах как нашего отечества, так и Европы, без различия национальностей, до наших дней. Обвиняемую в колдовстве связывают крестообразно: левую руку с правой ногою, правую руку с левою ногою, и бросают в реку. Если держится на воде — ведьма: если тонет — не ведьма. В 1827 году такими испытаниями занимались карпатские горцы; в 1834 г. в Грузии был неуро-

жай на кукурузу и пшено: колдунов бросили в воду, пытали на дыбе, жгли раскалённым железом; то же самое повторилось в пятидесятых годах. В 1839 году засуха дала повод расправиться с ведьмами по тому же образцу в Полтавской губернии. В 1875 году на Полесье мужики в одном селе, по совету стариков и старосты, задумали испытать ведьм водою и просили помещика, чтобы он позволил «покупать баб» в его пруде. Когда помещик отказал, все женщины села были подвергнуты осмотру через повивальную бабку, нет ли у которой из них хвоста. Трёх баб, оговорённых повитухою по недоброжелательству, посадили под арест и представили становому. Тот, конечно, освободил их. Засуха 1880 года едва не стоила жизни трём бабам деревни Пересадовки Херсонской губернии. Их сочли за колдуний, держащих дождь. Бедным женщин насильно купали в реке, пока они, чтобы спасти свою жизнь, не указали, где они «спрятали дождь». Староста с понятыми вошёл в показанную избу и в печной трубе нашёл замазанное «гнездо» с двумя напильниками и запертым замком. находка доказывает, что ведьмы

были не умнее своих гонителей и, действительно, пробовали колдовать. Завязанный узел, запёртый замок — старинный и повсеместный магический символ задержки плодородия: жатвы уничтожают закрутом, браки делают бесплодными, замыкая замок и забрасывая его, куда глаза глядят, с известным колдовским приговором. В Польше жгли старых баб не только при засухах, но и когда придётся — на всякий случай, чтобы застраховать себя от будущих засух и градобитий. А в старой Москве, когда после гибели Лжедмитрия I, ударили в мае безвременные морозы, пагубные для посевов, народ не нашёл лучшего средства обеспечить урожай, как сжечь труп «Гришки Еретника» и пепел развеять по ветру пушечным выстрелом.

История Гришки Отрепьева приводит нас к другому отделу языческих суеверий в христианстве: к вампиризму. Упырям, вовкулакам и т. п. иные мифологи усиленно старались придать значение стихийных сил; в увлечении стихийною теорией, Афанасьев додумался до такой изоцрѐнной тонкости, будто вампиры — молниеносные духи, кото-

рые замирают на зиму в тучах, чтобы сосать весною живоносные соки возрождённой земли. Гораздо проще видеть в этом страшном порождении народной фантазии образ тех грозных моровых поветрий и голодовок, которыми были так часто удручаемы древность и средние века, особенно в германских и славянских землях (Тейлор). Упырь поедает сперва своих родных, а потом уже принимается за посторонних и не успокоится, пока не уморит всего села, а если кто чужой заедет потом, и того съест непременно. Разве это не совершенно точный образ появления эпидемии, последовательного распространения её от первого заражённого и способности долго держаться в одной местности? Так как мор был, в большинстве случаев, последствием голодовок, то народная фантазия снабдила упыря неукротимую алчность: если ему нечего и некого есть, он грызёт дерево гроба, саван, свои руки. «есть хочу!» — его постоянный вопль. Вампир — это образ голодного тифа, постоянного бича славянской старины: вечный голод, разносящий повсеместную смерть! Описание наружности упыря, как

представляет его народ: жёлтое, изрытое морщинами лицо, красные, налитые кровью глаза, обвисшая кожа на теле, — описание человека, бесноватого от голода. Кровавое человекоядство голодных упырей, быть может, даже вовсе не миф, а лишь смутное историческое воспоминание об эпохах в роде 1230 или 1602 года, когда люди, действительно, поедали свои семьи, а таких эпох славянство пережило достаточно.

Упырём, обыкновенно, делается умерший колдун. Это вполне понятно: искони веруя в бессмертие души, наши предки полагали, что раз человек был волхвом при жизни, нет резона, чтобы дух его терял свои волшебные свойства и по смерти; раз он повелевал стихиями живой, отчего не повелевать ему ими и мёртвому; раз он при жизни посылал мор на людей, а на поля засуху, градобитие, ливни, бури, то и по смерти может делать те же самые злодейства. Приписывание засух «недобрым мертвецам», т. е. покойным знахарям, людям, погибшим «напрасною смертью», опойцам и т. п. — до сих пор частое суеверие. В голод 1892 года крестьяне деревни Новома-

тюшкиной, Николаевского уезда, Самарской губернии, гадали на сходке, кто из мертвецов кладбища приносит им беду, и выгадали, пригласив к совету староматюшкинцев, что виновница зла — Арина Новикова, слывшая в народе колдуньей; к тому же были слухи, что она умерла не своею смертью, но отравилась. Мёртвую Новикову «миром» вырыли из могилы и утопили в омуте реки Узень. Среди обвиняемых по этому делу оказались двое сельских старост, сотский, десятский и сборщик податей, т. е. всё сельское начальство. В шестидесятых годах подобных случаев утопления недобрых мертвецов было несколько; в 1868 году крестьяне Тихого Хутора, в Таращанском уезде, из опасения неурожая, вырыли «подозрительного» покойника из могилы, били его и обливали водою, приговаривая: «давай дождя!» В некоторых деревнях в разрытые могилы былых колдунов лили воду целыми бочками, повторяя таким образом на мёртвом теле те же обличительные купанья, что применялись и к живым ведунам — похитителям урожая. От подозрения в вампиризме, как и в волшебстве, не избавлял даже са-

мый священный сан. Мы видели, как войт-ковцы расправлялись со своим несчастным попом Василием. А благочестивый тишайший царь Алексей Михайлович в одном письме к патриарху Никону простодушно описывает свой испуг у гроба патриарха Иосифа, когда раздутое водянкою тело покойника стало пухнуть на его глазах: «и мне приде такое помышление отъ врага — побегиде ты вонъ, тотчасъ же вскоча тебя удавить»... В 1089 году скончался в Киеве митрополит Иоанн; княжна Янка, дочь Всеволода Ярославича, поехала в Грецию за новым митрополитом и привезла другого Иоанна. Должно быть это был человек крайне болезненный: он прожил на Руси всего год, а худобою и желтизною своею прямо смутил суеверную, полуязыческую паству. «Его же видевшє людєе вси рекоша: се павєе (покойник) пришелъ».

Мы знаем, что древние славяне и германцы смотрели на будущую жизнь, как на продолжение земной жизни; знаем, что покойника отпускали в загробную страну с богатым запасом всякого имущества, чтобы мертвец ни в чём не нуждался. Однако, надо полагать,

что со временем покойникам не хватало взятого с земли запаса, и тогда они бездолили градобитиями и грозами живых людей. Магония, откуда приплывали воздушные корабельщики Агобара, чтобы скупать у чародеев погубленные последними урожаи, есть не что иное, как легендарное царство мёртвых, выступавшее в средневековой литературе под многими аллегорическими наименованиями. В наших древних сказаниях оно известно, как царство блаженных рахманов, тождественных с павами, т. е. мертвецами. За царство мертвецов и злых духов были приняты первоначально вновь открытые Бермудские о-ва, что и подало Шекспиру повод написать свою фантастическую «Бурю». Царство рахманов, павов, Engelland, Nebelland, это — «вирий», таинственная вечно-зелёная страна какого-то оцепенелого лета. Туда осенью улетают птицы, уползают змеи; там вечный сон; оттуда прилетают в мир души новорождённых и туда скрываются покоиться на тихих водах души усопших; туда, на кораблях из яичной скорлупы, плавают феи, русалки, ведьмы, вещицы; туда же отвозили на воздушных ко-

раблях побитый градом хлеб таинственные купцы таинственной Магонии. Одни сказки и легенды помещают вирий за тридевять земель, в тридесятом царстве, за морем-океаном; другие — под землёю, т. е. в той бездне, где жили боги волхвов, убитых Яном, куда наглядно для всех отходят покойники. Весна, зелень, тепло, дожди дарит миру «тот свет»; об оттепелях народ говорит очень выразительно: «родители вздохнули». Весенний дождь будит мёртвые силы природы, окостеневшие зимою, и обращает их в благие для людей. Очень может быть, поэтому, что обряд обливания могил и трупов при засухах, купание колдунов и ведьм при неурожаях лишь впоследствии, с утратою народом точных языческих традиций, обратились в обычай карательный, приняли характер истязания. Для древнего славянина мёртвый волхв был, конечно, не проклятым духом, но вещим полубожеством, которое надо было оживить жертвенным возлиянием, чтобы оно воскресло и помогло людям. Покойников оттаивает весенний дождь, — характерно, что в рассказанном выше случае на Тихом хуторе, подозреваемо-

го в производстве засухи, упыря поливали не просто из ведра, но сеяли на него воду решето́м, т. е. подражая дождю. «Сею дождь решето́м», хвалится ведьма в «Макбете».

Что идёт в землю возвращается оттуда сторицей; за зерно земля отдаёт сто зёрен; за имитацию дождя могила должна вознаградить плодоносным ливнем. Что касается купанья живых ведьм, то, помимо пыточного характера, этот обычай несомненно имеет и оттенок жертвенного обряда. Его легко сблизить с сербским обрядом додолы, справляемым тоже при засухах в таком порядке: «нагую девушку обвязывают травой и цветами так, чтобы почти не видно было её лица. В этом виде, как бы движущееся растение, она обходит дворы один за другим. Её зовут Додола. Каждая хозяйка выливает на неё ведро воды, а её спутницы поют песню с мольбою о дожде. Песня выражает твёрдую уверенность, что гроза немедленно нагонит поющих и оросит дождём поля и виноградники» (Л. Ранке, «История Сербии»). В губерниях Тамбовской, Тульской и в некоторых местностях Малороссии существует обычай «проводить русалок»,

заклиная их, чтобы они берегли жито, не вредили посевам; по окончании обряда, чучело русалки топят в реке, а участники церемонии, в шуточной борьбе, обливают друг друга.

Через поверье о русалках, волшебная связь воли усопших с урожаем выясняется с полной яркостью, ибо непосредственное значение русалок в народной мифологии — грешная душа некрещёного ребёнка, утопленницы и т. п. Древле-мифологическое значение их столь разнообразно и сложно, что изъяснение его потребовало бы специального очерка. В первобытном своём виде, лишь самое ничтожное число стихийных духов дошло до нашего времени от древности. В среде их — кроме русалок — кобольды и цверги, которых русская народная мифология сохранила в поверье о подменышах, т. е. о детях, выкраденных якобы ведьмами, лешими, русалками, причём, на место похищенного младенца, нечистая сила кладёт своих собственных ребят. Украденные дети становятся вовкулаками, т. е. оборотнями-человекоядцами, со всеми признаками вампиризма, а их подменыши, вырастая среди людей, делаются колдуна-

ми, губителями рода человеческого, распространителями мора и голода; по смерти, они тоже вампируются. От обыкновенных детей они отличаются страшным лицом, огромною головою, тоненькими ножками, вздутым брюхом (при безобразной общей худобе) и необычайною прожорливостью. Как читатель видит, все эти признаки «природного упыря» целиком взяты с признаков вырождения ребят от худого кормления. Подменьш объедает семью и разоряет дом: на него не напасёшься. Это поверье держится в народе с редким упорством. В 1898 году в Малороссии одно детоубийство было совершено матерью в твёрдой уверенности, что она убивает подменьша. Ребёнок был идиот, урод и обжора, вполне подходивший под сверхъестественный портрет, выше приведённый. Мать ходила на подёнщину в экономию. Лили страшные дожди. Эконом и рабочие приписали мокропогодицу злему влиянию урода и запретили матери носить дитя на работу. Мать, чтобы не потерять подёнщины, наняла присматривать за сыном, в её отсутствие, какую-то старую бабу. Этой, напуганной общим

суеверным страхом к ребёнку, бабе приснился сон, будто пришли к ней две женщины и говорят: что ты, дура, делаешь? за что взялась? кого стережёшь? Разве это Лукерьяин сын? разве людские дети едят зараз по целой ковриге? Лукерьяина сына давно выкрал нечистый, а это подменьш. Смущённая сном, старуха отказалась стеречь нечистое дитя, и матери пришлось снова взять его на подёнщину. Случилось так, что, едва она показалась с ним в эконмии, стоявшая до тех пор ясная погода вновь сменилась ливнями. Бабу прогнали с работы, обругали, избили; тогда она и сама поддалась суеверному страху, вообразила в сыне нечистого и порешила от него отделаться: привела «подменьша» к оврагу и спихнула с кручи... Урод убился до смерти. Односельчане вполне одобряли бабу и решительно отказывались понять: за что её судить?